

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ АДМИРАЛА С.К.ГРЕЙГА

26 октября 1998 г. исполнилось 210 лет со дня смерти выдающегося русского адмирала, шотландца по происхождению Самуила Карловича Грейга.

В период правления императрицы Екатерины II (1762-1796) на русской службе было немало иностранцев, в том числе и шотландцев (среди них Ч.Камерон, Т.Димсдейл, Ф.Гарднер, Ч.Гаскойн, М.Гатри). В 1764 г. связал свою жизнь с Россией и С.Грейг.

Родился он в 1735 г. (по другим сведениям, в 1736 г.)¹ в небольшом городке Инверкейтинг в семье торгового моряка Чарльза Грейга. С 1750 г. будущий адмирал принимал участие в плаваниях, сражался в Семилетней войне, после окончания которой поступил на русскую службу, предпочтя ее карьере моряка английского торгового флота.

Первоначально он плавал волонтером на кораблях Балтийского флота, но вместе с тем занимался и теoriей морского дела, предлагая на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии многочисленные проекты. В 1769 г., в начале русско-турецкой войны(1768-1774), Грейг в составе эскадры Г.А.Спиридова сражался с турками в Чесменском сражении, был награжден орденом Св. Георгия II степени. В 1775 г. он был назначен главой Кронштадтского порта и немало сделал на этом посту, который занимал вплоть до своей смерти.

В 1788 г., с началом войны со шведами (1788-1790), адмирал Грейг возглавил русский флот на Балтике. Победу в первом крупном сражении, вошедшем в историю под названием Гогландской битвы, обе враждовавшие стороны приписывали себе, и последние месяцы своей жизни С.К.Грейг искал возможность нанести укравшимся в Свеаборге шведам решающий удар. Исполнить это ему не было суждено - 15 октября 1788 г. он скончался.

О жизни С.К.Грейга мы знаем сравнительно немного. Многие источники для изучения жизни Грейга еще не введены в научный оборот. Цель данной работы - привлечь внимание к источнику, обнаруженному в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота (далее РГА ВМФ).²

Нами обнаружена копия письма неизвестного лица Алексею Самуиловичу Грейгу, сыну адмирала. Само письмо, по всей вероятности, было утрачено, а копия, судя по палеографическим признакам, составлена, скорее всего, в начале XIX в. Причины, побудившие автора взяться за перо, понятны. 28 декабря 1801 г., как следует из текста, Алексей Самуилович обратился к нему с письмом, где содержалась просьба рассказать подробности жизни отца. Этот интерес закономерен и объясним: Алексей родился в 1775 г., в середине 80-х гг уехал учиться за границу, а в 1788 г. С.К.Грейга уже не стало, поэтому юноша недостаточно хорошо знал отца и ему хотелось лучше познакомиться с его жизнью.

Судя по тону письма, Алексей Самуилович доверял этому человеку и, наверное, имел существенные основания, чтобы обратиться за информацией о своем отце именно к нему (хотя в то время были живы еще многое друзья и сослуживцы адмирала - прошло только 13 лет со дня его смерти). Мемуарист сам отмечал, что являлся в течение нескольких лет ежедневным свидетелем деятельности Самуила Карловича.³

Таким образом, мемуары написаны человеком, хорошо знавшим Грейга, написаны для сына адмирала (автор не рассчитывал на широкую огласку). Все

это дает нам основание с большим вниманием отнестись к сведениям, извлеченным из мемуаров. К сожалению, к настоящему времени имя автора установить не удалось. Время, прошедшее с момента описываемых событий (70-80-е гг XVIII в.) до написания письма (1802 г.), велико - примерно 15-30 лет. Это тоже следует обязательно учитывать.⁴

Мемуарист писал Алексею Самуиловичу, опираясь, в основном, на свою память, но кроме этого для написания мемуаров были использованы и письма (одно из них от 3 октября 1781 г. процитировано); различные бумаги, касающиеся биографии адмирала (в частности, указы императрицы) - о них автор упоминал в начале своего письма⁵; в конце приведены переводы некоторых документов, имеющих отношение к службе Грейга. Уместно упомянуть, что вместе с оригиналом письма были отправлены и некоторые другие материалы (письма Самуила Карловича, гипсовый отпечаток с золотой медали, выбитой после его смерти и пр.), но к копии, хранящейся в архиве, они не приложены.

В начале документа автор на основе рассказов самого Грейга писал о его учителях, фамилии которых, к сожалению, позабыл (кроме Манфета, преподавателя математики). Далее в мемуарах речь идет о службе С.К.Грейга в английском флоте. Так, в письме от 3 октября 1781 г. Самуил Карлович рассказал автору мемуаров о случае, произошедшем с ним в ходе войны с французами. В 1750 г. Грейг был назначен на должность лейтенанта, но не получил этого чина. К началу 80-х гг. (моменту написания письма), будучи уже известным иуважаемым человеком, он приводил этот эпизод в качестве поучения в том, что "одно провидение управляет нашей судьбой в этом мире, независимо от дружбы, покровительства и заступничества".⁶

Затем автор мемуаров остановился на описании событий русско-турецкой войны. Преувеличение мемуаристом роли Грейга в Чесменском сражении очевидно. Обратимся к тексту: "На самом деле он (Грейг - Е.Г.) руководил флотом под именем графа (А.Г.Орлова - Е.Г.), который ни разу прежде не был на море. Разгром турецкого флота при Чесме - только его заслуга".⁷ На основе чего сделано это заключение? Мемуарист либо плавал вместе с Грейгом в тот период на корабле "Три Иерарха" (и ему представлялось, что главную роль играл именно капитан этого корабля), либо Самуил Карлович писал ему письма из похода, либо автор слышал об этих событиях из уст самого Грейга спустя какое-то время после них. Какое из этих предположений наиболее вероятно? Скорее всего, первое, т.к. в случае цитирования писем адмирала или бесед с ним автор ссылается на них.

Следует отметить, что план атаки турецкого флота был разработан совместно командирами кораблей. В ходе боя Грейг командовал своим судном (на котором находился и главнокомандующий русским флотом) и несомненно давал Орлову советы. Руководил он и знаменитой атакой брандеров. В то же время нельзя, конечно, забывать о заслугах Ф.А.Клокачева, Д.С.Ильина, Г.А.Спиридова, о героизме русских матросов, без которых не было бы этой победы, составляющей одну из славных страниц русской истории.

Чесма, одно из ярчайших событий I русско-турецкой войны, нашла свое отражение в мемуарах, эпистолярных источниках; ее запечатлели на своих полотнах художники, первые научные исследования появились еще в XVIII в. Однако в других источниках не приводятся подробности, описанные здесь.

Так, автор писал, что Грейг не спал две ночи подряд: при подготовке к бою и следующую, когда после рекогносцировки следил за снаряжением брандеров. Утром, когда бой завершился победой, он отправился на корабль графа А.Г.Орлова (т.к. сам недолго до этого перешел на "Ростислав"), передал

рапорты обрадованному и благодарному главнокомандующему, и, совершенно обессиленный, попросил об отдыхе. Лишь дойдя до своей каюты, Самуил Карлович упал на кровать, проспал 24 часа и проснулся абсолютно глухим. Потом его слух несколько улучшился, но до конца жизни глухота сохранилась.⁸

Еще один сюжет, затронутый мемуаристом - о строительстве каменной гавани и других сооружений в Кронштадте, о заботе Грейга о государственной казне. Он вспоминал, что первоначально смета необходимых расходов "...была подана Адмиралтейств-коллегией и генерал прокурором князем Вяземским. Адмирал...отказался подписать смету, которая в дальнейшем должна была быть представлена императрице, т.к. посчитал ее чрезмерно высокой. Екатерина приказала ему составить его собственную смету. Он представил ее, сопроводив планами и описаниями, сумма необходимых средств была уменьшена на миллион рублей".⁹ После этого вся тяжесть строительства легла на его плечи. В РГА ВМФ хранится дело об этой перестройке,¹⁰ но о новой смете упоминаний там нет. Можно предположить, что она была составлена несколько раньше, или грейговские предложения хранятся в другом месте. Пока их обнаружить не удалось.

Следует иметь в виду, что большое количество документов еще предстоит тщательно изучить, т.к. работа о Грейге - главе Кронштадтского порта еще не написана. В данном случае нужно отметить, что на первом этапе строительства (до 1783 г.) роль Грейга, скорее всего, была незначительной - он лишь осуществлял общий контроль; планы, разработки принадлежали генерал-инженеру Боуру, и только после смерти последнего Самуилу Карловичу было поручено непосредственно следить за строениями; взялся он за дело со свойственной ему энергией. Планы, прошения, рапорты письма отражают эту насыщенную деятельность. Результаты ее восхищали мемуариста.¹¹ В литературе встречается высокая оценка работы Грейга. Так, Ю.С.Крючков описывал мнения разных лиц о произошедших переменах: "Известный английский гуманист Дж.Говард в 1787 г. был у С.К.Грейга в Кронштадте и весьма лестно отзывался о построенном госпитале. Восторженный отзыв о госпиталях, сооруженных под руководством Грейга, дан в дневниках генерала Фр.Миранды, который в 1781 г. посетил Кронштадт. Однако не все в разработанном проекте реконструкции было удачным. Например, старший доктор Кронштадтского морского госпиталя в рапорте Адмиралтейств-коллегии отметил ряд недостатков проекта, которые были устранены".¹² Удивительно, что Крючков, изучив рапорт, столь мягко изложил суть дела. Главный доктор Кронштадтского порта по пунктам отметил многочисленные недостатки госпиталя, просчеты эти были грубы и не делают чести главе Кронштадтского порта. Оплошностей была масса, доктор перечислял их, начиная с того, что "...вся оная вновь сделанная госпиталь из сырова и водянова лесу так что во внутренности покоев оказалась великая сырость и начинает плеснуть"¹³, и заканчивая тем, что больные лежат в грязных рубашках, т.к. прачки отказываются работать из-за слишком низкой заработной платы.¹⁴ Таким образом, сэкономленный Грейгом миллион рублей дорого обошелся русским морякам.

Вернемся к повествованию мемуариста. Интересно, что он упоминает визит императрицы в Кронштадт, который действительно имел место в 1782 г. Подтверждение тому можно найти в письме Екатерины барону Гримму от 28 июня 1782 г.: "Три дня тому назад ездила я в Кронштадт во время противного ветра. Мимоходом мы заложили еще один стопушечный корабль, после чего ходили смотреть машину, которая действует огнем и посредством которой очищается канал и за тем пришли, опять таки пешком, к адмиралу Грейгу пить

чай".¹⁵ Если мы обратимся к камер-фурьерскому журналу, то сообщение о путешествии в Адмиралтейство и закладке 100-пушечного корабля обозначено под 26 июня; о визите к Грейгу в нем, к сожалению, не упоминается, можно предположить из-за его незначительности.¹⁶ Итак, в этот день императрица посетила адмирала. Позволю себе привести длинную, но важную цитату из мемуаров: "Вернувшись с церемонии закладки корабля и положения в киль нескольких золотых имперских монет, императрица, проходя по улице, где жил адмирал, выразила желание выпить чашечку чая. Она вошла в дом, уделила много внимания двум его старшим сыновьям, встретившим его у дверей. Немного отдохнув в зале, она с улыбкой заметила адмиралу, что слышала, будто у него в погребе хранятся превосходные старые греческие вина, и что она была бы рада отведать их. Он тотчас же предложил ей маленький фужерчик сиропа. Екатерина нашла его качество великолепным и выразила надежду, что запас его велик, Грейг же ответил: "Мой винный погреб почти пуст, и мне просто необходима новая война с Турцией, чтобы пополнить его". Императрица снисходительно улыбнулась, и хотя она привыкла прятать свои чувства, но тогда даже самый невнимательный зритель заметил бы, что война с Турцией не была чужда ее мыслей."¹⁷

Заметим, что с момента беседы до написания письма прошло около двадцати лет, поэтому следует скептически отнестись к столь точной передаче слов Грейга. Вероятнее всего, этот рассказ нужно воспринимать как один из немногих анекдотов о Грейге, дошедших до нас.

Мемуарист далее писал, что к весне 1785 г. в Кронштадте появлялось все больше моряков, недовольных качеством продукции питейных заведений этого города и их работой. Вскоре появились слухи, что вино разбавляют водой. Этим, как отмечал автор, воспользовались враги Грейга, которые стали уверять матросов, что он прекрасно знает об этих махинациях, более того, он состоит в заговоре с откупщиком и прибыль они делят между собой. Так или иначе, в первый день пасхи возмущенные матросы начали громить питейные заведения, расхищать деньги, пьянствовать. Патруль, подоспевший к месту действия, был встречен градом камней. Удалось справиться с этим только после прихода Грейга.¹⁸

Попытаюсь сравнить рассказанное автором мемуаров и написанное самим Грейгом в рапортах И.Г.Чернышеву, вице-президенту Адмиралтейств-коллегии. Грейгом было написано несколько рапортов: 24 апреля, 30 апреля и 3 мая. По мере выяснения новых обстоятельств дела они становились все более обширными.

По разному в источниках описывается начало бунта. У мемуариста оно выглядит как осуществление давно задуманного плана: "В пасхальные дни они (враги Грейга- Е.Г.) осуществили задуманное. Собрав несколько тысяч человек, они ходили из одного винного магазина в другой, избивая почти до смерти виноторговцев, пили столько, сколько могли, а остатки пытались унести с собой в ведрах и шляпах".¹⁹ С.К.Грейг первым эпизодом бунта назвал ссору между целовальником иunter- офицером, произошедшей из-за того, что первый не дал последнему самому отмерить вино. Их отвели к караульному офицеру для разбора ссоры, "...а между тем весь народ наступил на питейный дом, разбил в оном окошки, винные и пивные бочки разломал, и собранные деньги...до двухсот рублей разграбил".²⁰

Таким образом, у мемуариста произошедшие безобразия - это претворение в жизнь давно подготовленного плана, результат прискорбий недругов адмирала. Грейг же считал, что ссора спровоцировала вспышку гнева матросов. Представляется, что в данной ситуации рапорт Самуила Карловича

более адекватно отражает реальность. Случившееся, безусловно, вызвало недовольство в Санкт-Петербурге, и главе Кронштадтского порта велено было во всем разобраться. Он отнесся к этому делу с большой серьезностью, и в рапортах его были представлены результаты следствия, кроме того, написаны они были сразу же после происшествия, в то время как мемуарист вспоминал об этих событиях более, чем полтора десятилетия спустя, да и то скорее лишь для того, чтобы продемонстрировать храбрость своего бывшего патрона.

Жертвой восстания стал, согласно приведенным источникам, один матрос. Грейг добавил, что несколько человек было отправлено в госпиталь, но лично осмотрев их, он пришел к выводу, что все они пострадали несерьезно, и скоро будут здоровы.²¹

Первоначально пьяную толпу утихомирить было невозможно, на место происшествия вызвали Грейга, который бесстрашно попытался успокоить неуправляемых людей, и это ему удалось. Интересен в связи с этим следующий факт. Самуил Карлович описал свое собственное поведение только в письме от 3 мая, т.е. спустя почти неделю после бунта, и написал об этом, дабы уберечься от слухов, которые докатились и до него самого и чтобы доказать вице-президенту Адмиралтейств-коллегии свою честность и преданность. Он уверял, что не получал жалоб от своих подчиненных, как сплетничали о том недоброжелатели, не говорил, "...что когда вино дурно, пусть не пьют, а через то и пьяных уменьшится"²² (этую фразу приводит, кстати и мемуарист, несколько сомневаясь, правда, была ли она произнесена в действительности). В качестве доказательства Самуил Карлович писал о том, как он, приблизясь к месту событий, "...немедленно вшел между мятежниками, когда они были в высшей степени их бешенства и вознесены успехом их в отбитии караула: как скоро я приближился, и приказал им немедленно итти по своим командам, они тотчас начали расходиться и бежать на все стороны."²³

История закончилась приездом в Кронштадт вице-губернатора Петербурга Новосельцева для расследования. Выяснили, что причиной бунта стал неправильный отмер вина морякам, участие Грейга в делах с откупщиком подтверждено не было. Раненые поправились, виновных наказали.

Следующая страница в жизни Грейга связана с назреванием конфликта с турками и началом войны. Он готовил эскадру, надеясь повторить экспедицию в Архипелаг. Огромное количество дел легло на плечи одного человека. Он должен был отвечать как за подготовку флота в целом, так и за сравнительно мелкие, незначительные дела. Между тем началась война со Швецией. "В противоположность мнению Грейга"²⁴, как подчеркивал мемуарист, часть дивизий была отправлена в Средиземное море для проведения операций против турецкого флота. В связи с этим в распоряжении адмирала в Балтийском море оставалась небольшая по численности эскадра. Но самая главная неприятность заключалась в том, что не хватало матросов, подготовленных к службе в военное время, и для укомплектования экипажей действующих кораблей набирали людей со стороны, среди которых были даже арестанты. Не хватало рекрутов, за счет которых комплектовались штаты кораблей. Поэтому положение эскадры оказалось весьма сложным, и с учетом стратегической угрозы со стороны шведского флота Санкт-Петербургу и Кронштадту, ситуация становилась особенно опасной.

С.К.Грейг, как отмечено в мемуарах, приложил немало сил, чтобы спасти положение. Возглавив флот на Балтике, он принял необходимые меры для по укомплектованию штатов вверенной ему эскадры. По свидетельству мемуариста Грейг быстро организовал работу по обучению новобранцев морскому ремеслу и укреплению эскадры. В итоге русский флот достойно

встретил противника и смог оказать отпор, не допустив неприятеля в Кронштадт.

Что касается Гогландского сражения, то мемуарист описывал его, не выходя за рамки широкоизвестных сведений. Это позволяет предположить, что сам он не участвовал в сражении. В мемуарах отмечено: "Адмирал в вышеупомянутой битве был ранен в бедро выпетевшей пулей, которая убила офицера низкого ранга, стоявшего рядом с ним."²⁵ Известно, что вопрос о ранении адмирала по-разному рассматривался в источниках и литературе. Существуют совершенно противоположные мнения: некоторые полагали, что Грейг был совершенно здоров после боя²⁶, другие - он был опасно ранен.²⁷ Мы можем высказаться по этому поводу с более или менее полной уверенностью в своей правоте.

Обратимся к письмам самого Грейга, в частности, к его посланиям жене, Саре Александровне. В письме от 7 июля 1788 г. он описывал сражение и отмечал, в частности: "I received a slight contusion above the left knee; I however walk very well, and hope in a few days it will be quite well."²⁸ Таким образом, можно теперь с уверенностью сказать, что Грейг был действительно ранен в ходе Гогландской битвы, но не тяжело.

Последние письма Грейга служат опровержением еще одного суждения мемуариста: "Дезертирство столь значительной части его флота произвело сильное впечатление на душевное состояние адмирала, и, возможно, ускорило смертельное расстройство его здоровья и положило конец его славной карьере."²⁹ Эпистолярные источники дают нам основание полагать, что в целом Грейг гордился действиями русского флота, и последние месяцы был деятелен, активен, полон планов. Письма его дышат энергией и верой в будущую скорую победу³⁰.

Рассматриваемый источник содержит много новых и ярких свидетельств о жизни Грейга. Работа с ним будет продолжаться. Одна из первоочередных задач будущей работы - выяснить имя мемуариста.

¹ Дополнительным аргументом в решении этой проблемы является упоминание о дате рождения С.К.Грейга его сестрой, М.Диксон, в одном из ее писем, где названа дата 30 ноября 1735 г. (РГА ВМФ. Ф.8. Оп.1. Д.55. Письма матери, Диксон и других родственников адмиралу С.К.Грейгу. 1760-1788. Л.42-42об.).

² РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6 Копия записей с воспоминаниями о Грейге Самуиле Карловиче, высланных (из Англии) по просьбе Грейга Алексея Самуиловича (на англ. яз.). Начало в 1801г.

³ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6. Л.12.

⁴ Представляется, что архивисты ошиблись, датируя источник 1801 г., т.к. письмо Алексея Самуиловича написано в конце 1801 г., составление ответа потребовало времени, и отправлен он был, скорее всего, в следующем, 1802 г., а копия, соответственно, создана еще позднее.

⁵ Там же. Л.1

⁶ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6.

⁷ Там же. Л.3 об.

⁸ Там же. Л.4

⁹ Там же. Л.5 об.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф.212. Государственная Адмиралтейств-коллегия. Оп.II канцелярия. Д.24.

¹¹ Ф.8. Оп.3. Д.6. Л.5 об-6.

¹² Крючков Ю.С. Самуил Карлович Грейг. 1735-1788. М., 1988. С.52.

¹³ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.1 Д.46. Рапорт (копия) старшего доктора Кронштадтского морского госпиталя в государственную Адмиралтейств-коллегию о недостатках построенного госпиталя и о необходимости их устранения; извещение адм. С.К.Грейгу о перенесении кухни в безопасное место и о прибытии из персидии Муса Султана в Кронштадт. Л.3.

¹⁴ Там же. Л.5 об.

¹⁵ Письма Екатерины II барону Гримму//Русский архив. 1878. Кн.III. С.77-78.

¹⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1782 г. СПб., 1882. С.287.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6. Л.6-6 об.

¹⁸ Там же. Л.7 об-8.

¹⁹ Там же. Л.8.

²⁰ РГА ВМФ. Ф.172. Оп.1 Д.79. Л.5

²¹ Там же. Л.5 об.

²² Там же. Л.15.

²³ Там же. Л.16 об.

²⁴ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6. Л.10.

²⁵ Там же. Л.11.

²⁶ Брикнер А. Война России со Швецией в 1788-90 гг. СПб., 1869. С.109 и др.

²⁷ Энгельгардт. Записки. Цит. по книге: Русская живопись в XVIII в./Сост. С.П.Дягилев. СПб., 1902. Т.1 (Д.Г.Левицкий. 1735-1822.). С.25 и др.

²⁸ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.2. Д.40. Письма Грейга Самуила Карловича своей жене Саре Александровне Л.3.

²⁹ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.3. Д.6. Л.11.

³⁰ РГА ВМФ. Ф.8. Оп.2. Д.38. Письма Грейга Самуила Карловича Андерсону (англ.) и др.